

Н. Ю. Новичкова

<https://orcid.org/0000-0002-6146-4277>

Социокультурная динамика провинциальной городской среды в контексте правового регулирования градостроительства

В статье рассматриваются специфические особенности застройки российского провинциального города в России в пореформенный период. Отмечается, что специфической особенностью подавляющего большинства российских городов в середине XIX в. являлось преобладание деревянной застройки над каменной. Среди причин доминирования деревянных домов в провинции автор особо отмечает влияние крестьянского менталитета на образ жизни и нормы поведения в городской среде. Значительная часть городского населения в 60–70-х гг. XIX в. формировалась вследствие миграции в города крестьянства, которое стало в начале XX в. первым по численности сословием, в связи с чем культура средних слоев городского социума представляла собой синтез элементов традиционной крестьянской и городской культуры.

В городах высокая плотность жилой деревянной застройки создавала серьезную угрозу пожаров. В целях удовлетворения потребностей городских жителей в защите жизни и имущества в 1876–1879 гг. в Строительный устав были внесены изменения и предусмотрены специальные правила как для городских архитекторов, так и для домовладельцев, заведующих частными и общественными зданиями, а также для простых обывателей.

Изменение российского законодательства в области градостроительства способствовало изменению не только внешнего облика города, но и менталитета горожан. Автор делает вывод о том, что пореформенный период под влиянием изменившихся условий и норм городской жизни произошли существенные перемены в системе культурных ценностей горожан. Формирование нового менталитета происходило постепенно в процессе принятия городскими властями мер по повышению уровня городского благоустройства.

Ключевые слова: городская среда, деревянная застройка, пореформенный период, культура средних слоев городского социума, строительные нормы, менталитет горожан.

N. Yu. Novichkova

Socio-Cultural Dynamics of the Provincial Urban Environment in the Context of Legal Regulation of Urban Development

The article considers specific features of the residential construction of the Russian provincial town in Russia in the post-reform period. It is noted, that the specific feature of the vast majority of Russian cities in the middle of the XIX century was the predominance of wooden buildings over stone ones. Among the reasons for the dominance of wooden houses in the province, the author emphasizes the influence of the peasant mentality in the lifestyle and norms of behaviour in the cities. A significant part of the urban population in the 60–70s of the XIX century was formed due to the urban migration of the peasantry, which formed the major part of urban population at the beginning of the XX century. As a result the culture of the middle layers of the urban society was a synthesis of elements of traditional peasant and urban culture.

In the cities, the high density of residential wooden buildings created a serious threat of fires. In order to meet the needs of urban residents in the protection of life and property in 1876–79, the building codes were changed and special rules were provided for both urban architects and homeowners, heads of private and public buildings, as well as for ordinary people.

The author makes a conclusion that changes of the Russian legislation in the field of urban construction contributed to changing not only the appearance of the city, but also mentality. In the post-reform period under the influence of the changed conditions and norms of urban life there were significant changes in the system of citizens' cultural values. The formation of new mentality was taking place gradually in the process of measures taken by the city authorities to improve the level of urban improvement.

Keywords: urban environment, wooden building, the post-reform period, culture of the middle layers of urban society, building codes, mentality of citizens.

В процессе развития города его архитектурный облик подвергается постоянным изменениям, основной причиной которых является удовлетворение потребностей горожан в комфортной среде проживания. Внешний вид города всегда являлся его визитной карточкой, показателем

его благополучия, экономической стабильности и уровня городской культуры.

Реформы 1860–1870 гг. обусловили в России бурный рост городов. К началу 1860-х гг. в Европейской России и в Сибири официально насчитывалось 690 городов (в 1914 г. их число возросло до 729). Тенденция к росту численности рос-

Таблица 1

Жилые строения в городах Владимирской губернии, по данным на 1852 г.

Город	Количество каменных домов	Количество деревянных домов
Владимир	106	1256
Александров	27	529
Вязники	33	658
Гороховец	14	315
Меленки	56	558
Муром	99	1021
Ковров	10	221
Киржач	4	261
Переславль	51	624
Покров	9	227
Судогда	12	210
Суздаль	67	748
Шуя	84	566

сийских городов легко прослеживается при сравнении с показателями 1811 и 1856 гг., когда на карте империи было отмечено соответственно 567 и 669 городов [6, с. 284].

Однако принципы частновладельческого градостроительства оставались консервативными, и процесс застройки отличался стихийностью. Во второй половине XIX в. провинциальные города с их патриархальностью нравов отражали традиционный – более сельскохозяйственный, чем промышленный облик страны.

Специфической особенностью подавляющего большинства российских городов в пореформенный период являлось преобладание деревянной застройки над каменной. Именно деревянная застройка городов России второй половины XIX – начала XX в. играла роль градостроительной ткани кварталов в структуре улиц. В середине XIX в. 62 % всех городских домов в Европейской России (без Польши и Кавказа) были деревянными и только 20 % – каменными. Чем меньше был город, тем в большей степени в его облике проявлялись черты, свойственные сельским поселениям. «Полудеревенский тип, когда как будто незаметно город переходит в деревню, и деревня сливается с городом» [7, с. 23], – характеристика, в 60-е гг. XIX в. полученная Костромой, которую можно было отнести практически к любому российскому провинциальному городу. Деревенские черты в облике городов Российской империи отмечены в трудах Г. М. Лаппо: «Это не удивительно в стране, где даже столица заслужила прозвище большой деревни» [5, с. 132]. Вопреки распространенному мнению об изначальном преобладании в северной столице каменной застройки, количество каменных домов в Петербурге впервые стало превышать количество деревянных только в 1880-х гг. Город был каменным в основном в центральной его части. На Петербургской, Выборгской сторонах и на Охте деревянные дома составляли от 54 до 87 % застройки [13, с. 19]. Москву в конце XIX в. современники иронично называли «великороссийской деревней» [9, с. 56].

О заметном дисбалансе между количеством деревянных и каменных домов, особенно проявлявшемся в городах российской провинции, свидетельствуют статистические данные по Владимирской губернии, представленные в Таблице 1 [12, с. 14–15].

Во второй половине XIX в. в России деревянные строения доминировали не только в уездных, но и в губернских городах. В Ярославле каменные дома составляли только третью часть всей городской застройки, во Владимире, как это видно из Таблицы 1, этот показатель был еще ниже – чуть более 10 % домов были построены из камня.

Преобладание в провинциальных городах деревянной застройки над каменной было обусловлено несколькими причинами. Важным фактором в пользу строительства деревянного дома являлась привычка многих поколений россиян жить в деревянных домах, которые традиционно считались более удобными для жилья, при этом соблюдались веками выработанные правила застройки. Столетиями в России жилые дома, бани, хозяйственные постройки возводились из древесины. Выбор в пользу этого строительного материала также основывался на положительных качествах древесины, таких как доступность, удобство в обработке, хорошие теплотехнические свойства (деревянный дом хорошо держал тепло). Кроме того, древесина позволяла декорировать жилище согласно традициям русской архитектуры XIX в.

Необходимо отметить, что значительная часть городского населения в 60–70-х гг. XIX в. формировалась вследствие миграции в города крестьянства, которое стало в начале XX в. первым по численности сословием, потеснив традиционное городское сословие в структуре населения городов. Количество крестьянского населения в городах к концу XIX в. возросло более чем в 4,5 раза, в то время как численность

всех остальных сословий увеличилась лишь в 1,5 раза [10, с. 212].

В своих исследованиях, посвященных процессу модернизации в России, С. Блек указывал, что патриархальные и иерархические отношения, коллективистская этика, господствовавшая в российском обществе в пореформенный период, имели своим источником деревню [16, с. 158].

Переходя в городское сословие, крестьянин сохранял устойчивую приверженность к привычной ему духовной культуре, образу мышления и стилю жизни, проявлявшимся в том числе и в привычке к проживанию в деревянном доме и обязательному наличию хозяйственных построек для хранения сена, дров, содержания домашнего скота и птицы.

В связи с этим культура средних слоев городского социума представляла собой синтез элементов традиционной крестьянской и городской культуры. Сельские мигранты сохраняли в городских условиях деревенские стандарты устройства быта. Несмотря на то, что в городе бывшие крестьяне становились рабочими и служащими, они продолжали следовать привычному для них образу жизни, занимаясь, кроме основного вида деятельности, и сельскохозяйственным трудом.

В городах высокая плотность жилой деревянной застройки создавала серьезную угрозу пожаров. Однако городское население не проявляло инициативы в решении пожарного вопроса. Отношение горожан к пожару основывалось на принятом в сельской местности покорном принятии этого бедствия, осознании своей беспомощности перед «гневом Божиим», как называли пожары в России в XIX в., и бесполезности каких-либо усилий по противостоянию огню.

К. Д. Кавелин сформулировал крестьянское мировоззрение следующим образом: «Крестьянин прежде и больше всего – безусловный приверженец обряда, обычая, заведенного порядка, предания. Весь его домашний и хозяйственный обиход предопределен тем, как его завели и устроили отцы и деды. Полное отсутствие самостоятельности, безграничное подчинение тому, что приходит извне, – вот основной принцип всего мировоззрения крестьянина. Им определяется вся его жизнь» [4, с. 541]. Приверженность крестьянина к установленному порядку не покидала его и в условиях городской жизни.

В результате этой пассивной позиции пожары оборачивались настоящими трагедиями для населения российских городов. Не только дере-

вянная застройка, но и скопление во дворах и дворовых постройках большого количества огнеопасных материалов (сена, дров, запасов керосина) способствовали быстрому распространению огня в случае пожара. Катастрофические последствия имел пожар, случившийся 13 июня 1850 г. в Самаре, когда в одночасье остались без крова сотни городских семей. очевидцы сравнивали бедствие с концом света. Житель Самары Егор Аннаев так описывал эту трагедию: «В городе было ужасное зрелище. Кругом лежали сгоревшие люди, лошади, собаки, кошки и множество кур. Везде догорающие развалины. Отчаяние народа, истошные крики – ужас, да и только! За рекой Самаркой тоже все сгорело, неисчислимые потери народа ужасны!» [1, с. 55]. Трагедии подобного рода были для российской провинции привычным явлением, что усиливало остроту проблемы безопасности в городской среде.

17 апреля 1848 г. во время пожара в Романов-Борисоглебске сгорело до основания 90 домов обывателей и 56 торговых лавок [3, л. 7]. Ущерб от пожара составил 193 842 рубля [15, с. 4]. Ярославский губернатор А. П. Бутурлин в своем рапорте о последствиях пожара отмечал, что «при бывшем сильнейшем ветре огонь, распространяясь с необыкновенной быстротой, был так силен, что решительно не оставалось никаких способов к прекращению пожара» [3, л. 8]. Практически тот же комментарий был сделан Бутурлиным о пожаре, случившемся 17 мая 1853 г. в Угличе [2, л. 3].

Несмотря на огромный материальный ущерб, который наносили пожары, горожане большей частью игнорировали правила пожарной безопасности. По данным статистики, в списке причин возникновения пожаров неосторожное обращение с огнем со стороны населения находилось на первом месте (30 % всех пожарных случаев). Своего рода социокультурный парадокс состоял в том, что нормы поведения, диктуемые необходимостью обеспечения пожарной безопасности, вступали в противоречие с культурой поведения в городском социуме.

Домовладельцы демонстрировали полное пренебрежение правилами пожарной безопасности, что свидетельствовало о низком уровне культуры горожан. «Большое влияние на отношение к пожарному вопросу оказывает наша некультурность», – с тревогой отмечал в докладе «О состоянии пожарного дела в России» член Императорского русского пожарного общества Ф. Э. Ландезен [8, с. 54].

Инициатива по повышению качества жизни горожан была проявлена со стороны государства. В целях удовлетворения потребностей городских жителей в защите жизни и имущества в 1876–1879 гг. в Строительный устав были внесены изменения и предусмотрены специальные правила как для городских архитекторов, так и для домовладельцев, заведующих частными и общественными зданиями, а также для простых обывателей.

Эти правила оказали заметное влияние на дальнейшее развитие городской застройки в пореформенный период. Прежде всего, при возведении частных жилых домов и общественных зданий должны были соблюдаться строительные нормы. При постройке зданий городские архитекторы обязаны были предпринимать все меры предосторожности против пожаров.

Новые правила определяли индивидуальную ответственность домовладельца за допущенные нарушения при строительстве дома. За постройку или перестройку здания без получения предварительного разрешения виновные подвергались штрафу в размере 50 руб. Для рабочих эта сумма равнялась трехмесячному заработку. Если здание было возведено без соблюдения строительных норм, то размер штрафа увеличивался до 100 руб. (статьи 65, 66 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). При этом домовладельцы были обязаны в определенный судьей срок либо исправить все допущенные нарушения, либо сломать постройку [11, с. 218].

Наряду с заказчиками к ответственности за нарушение строительных правил привлекались городские архитекторы и подрядчики, которых закон обязывал следить за ходом строительных работ.

В частности, в статье 1058 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных говорилось: «За учиненное в третий раз нарушение предписанных Уставом строительным техникских или других о постройках правил, виновным в том архитектору, архитекторскому помощнику или же подрядчику, взявшему на себя по контракту постройку, воспрещается производить постройку и вступать в строительные подряды в продолжении определяемого судом времени от одного года до двух лет, с объявлением о том в ведомостях обеих столиц и в местных губернских» [11, с. 197].

В этом случае привлечение средств массовой информации неизбежно сказывалось на дальнейшей карьере архитектора и приводило к па-

дению престижа сотрудничавшей с ним строительной фирмы. Если архитектор совершил случайную ошибку при выборе места строительства, ему грозил штраф в 300 руб., что составляло третью часть его годового дохода. За подобное умышленное нарушение он, согласно статье 1 062 Уложения о наказаниях, подлежал увольнению с должности [13, с. 215].

Эти строгие меры были продиктованы высокой степенью пожароопасности в городах, особенно провинциальных, где доминировали деревянные дома. Их принятие было направлено на защиту жизни и имущества жителей от пожаров, приносивших огромные убытки. Потеря дома и всего нажитого не одним поколением семьи имущества для большинства горожан была равносильна катастрофе, поскольку на его восстановление требовались годы тяжелого труда.

Коллективная заинтересованность в безопасности жизни и сохранении собственности способствовала изменению стереотипов поведения в отношении пожаров и осознанию необходимости выполнять требования по их профилактике. Поскольку пожары представляли наибольшую угрозу спокойствию городского общества и затрагивали интересы всех его слоев, традиционная позиция покорности и смирения перед ударами судьбы начала уступать место активному стремлению жителей защитить себя и свое имущество от огня, соблюдая новые правила застройки. Сельские черты городской урбанизации, проявлявшиеся в склонности к коллективной жизнедеятельности, стремлении к соборности, сменялись проявлениями индивидуализма, желанием бороться за свое благополучие, избавлением от предрассудков.

Таким образом, в пореформенный период под влиянием изменившихся условий и норм городской жизни произошли существенные перемены в системе культурных ценностей горожан. Формирование нового менталитета происходило постепенно в ходе принятия городскими властями мер по повышению уровня городского благоустройства. Модернизационные процессы в России, затронувшие сферу городского строительства, позволили повысить не только степень комфортности городской среды, но и уровень культуры городского общества.

Библиографический список

1. Вехи огненной Самары: от крепости до наших дней [Текст]. – Самара, 2001.
2. ГАЯО [Текст]. – Ф. 73. – Оп. 4. – Д. 1673. – Л. 3.

3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 73. – Оп. 4. – Д. 1411. – Л. 7–8.

4. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений [Текст] : в 4-х томах / К. Д. Кавелин. – Т. 2. – М., 1967.

5. Лаппо, Г. М. Сельские черты российской урбанизации и влияние миграций «село-город» [Текст] / Г. М. Лаппо // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен. – М., 2001.

6. Миронов, Б. Н. Социальная история России. Т. 1 [Текст] / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999.

7. Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века [Текст]. – Том 1. Общественно-культурная среда. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 880 с.

8. Пожарное дело [Текст]. – 1912. – № 24.

9. Пожарный [Текст]. – 1892. – № 8.

10. Рынзюнский, П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России [Текст] / П. Г. Рынзюнский. – М., 1983.

11. Сборник законов о противопожарных мерах в империи [Текст]. – Петроград, 1914.

12. Фролов, Н. В. История земли Ковровской [Текст] : в 2 частях / Н. В. Фролов, Э. В. Фролова. – Ковров : БЭСТ-В, 2001.

13. Юхтева, Е. Д. Петербургские доходные дома [Текст] / Е. Д. Юхтева. – М. – СПб., 2008.

14. Ярославские губернские ведомости [Текст]. – 1868. – № 25.

15. Black. C. The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. Free Press. 1975.

Reference List

1. Vehi ognennoj Samary: ot kreposti do nashih dnej = Milestones of the fiery Samara: from the fortress to the present day [Tekst]. – Samara, 2001.

2. GAJaO = SAYaR [Tekst]. – F. 73. – Op. 4. – D. 1673. – L. 3.

3. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO) = State archive of the Yaroslavl region (SAYaR) [Tekst]. – F. 73. – Op. 4. – D. 1411. – L. 7–8.

4. Kavelin, K. D. Sbranie sochinenij = Collected works [Tekst] : v 4-h tomah / K. D. Kavelin. – T. 2. – M., 1967.

5. Lappo, G. M. Sel'skie cherty rossijskoj urbanizacii i vlijanie migracij «selo-gorod» = Rural features of the Russian urbanization and influence of migrations «village-city» [Tekst] / G. M. Lappo // Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: 100 let peremen = The city and the village in European Russia: 100 years of changes. – M., 2001.

6. Mironov, B. N. Social'naja istorija Rossii. T. 1 = Social history of Russia. V. 1 [Tekst] / B. N. Mironov. – SPb., 1999.

7. Oчерки russkoj kul'tury. Konec XIX – nachalo XX veka = Essays of the Russian culture. The end of the XIX – the beginning of the 20th century [Tekst]. – Tom 1. Obshhestvenno-kul'turnaja sreda. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011. – 880 s.

8. Pozharnoe delo = Fire business [Tekst]. – 1912. – № 24.

9. Pozharnyj = Firefighter [Tekst]. – 1892. – № 8.

10. Ryndzjuns'kij, P. G. Krest'jane i gorod v kapitalisticheskoj Rossii vtoroj poloviny XIX veka: vzaimootnoshenija goroda i derevni v social'no-jekonomicheskom stroe Rossii = Peasants and the city in capitalist Russia of the second half of the 19th century: relationship of the city and the village in the social and economic system of Russia [Tekst] / P. G. Ryndzjuns'kij. – M., 1983.

11. Sbornik zakonov o protivopozharnyh merah v imperii = The collection of laws on fire prevention in the empire [Tekst]. – Petrograd, 1914.

12. Frolov, N. V. Istorija zemli Kovrovskoj [Tekst] : v 2 chastjah / N. V. Frolov, Je. V. Frolova. – Kovrov : BJeST-V, 2001.

13. Juhteva, E. D. Peterburgskie dohodnye doma = St. Petersburg profitable houses [Tekst] / E. D. Juhteva. – M. – SPb., 2008.

14. Jaroslavskie gubernskie vedomosti [Tekst]. – 1868. – № 25.

15. Black. C. The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. Free Press. 1975.